

В. И. Коваль

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель,
Республика Беларусь, vlad-kov@mail.ru

МАГИЯ СЛЕДА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КИТАЙЦЕВ

В статье в сопоставительно-типологическом аспекте рассматриваются свойственные восточным славянам и китайцам архаичные представления о магических свойствах человеческого следа. Отмечается наличие в традиционных верованиях восточнославянских народов комплекса представлений двух родов: во-первых, о возможности вредоносных магических действий с использованием следа как аналога самого человека; во-вторых, отношение к следу, оставленному на камне христианским персонажем, как к источнику исцеления. Показано, что в народной культуре китайцев наступление женщиной на след, оставленный на земле мифическим существом, является причиной зачатия и рождения культурного героя.

Ключевые слова: след; вредоносная магия; ритуал; след на камне; культурный герой; чудесное рождение.

V. I. Koval

Gomel State University named after Francysk Skaryna, Gomel, the Republic of Belarus, vlad-kov@mail.ru

THE MAGIC OF THE TRAIL IN TRADITIONAL CULTURE OF THE EASTERN SLAVS AND THE CHINESE

In the article, in a comparative and typological aspect, the archaic ideas peculiar to the Eastern Slavs and the Chinese about the magical properties of the human footprint are considered. It is noted that in the traditional beliefs of the East Slavic peoples there is a complex of ideas of two kinds: firstly, about the possibility of malicious magical actions using the trace as an analogue of the person himself; secondly, the attitude to the trace left on the stone by a Christian character as a source of healing. It is shown that in Chinese folk culture, a woman's attack on a trace left on earth by a mythical creature is the reason for the conception and birth of a cultural hero.

Key words: trace; malicious magic; ritual; trace on a stone; cultural hero; miraculous birth.

Введение. Сакрализация человеческого следа (отпечатка ноги) широко распространена в традиционных верованиях разных народов, что убедительно проиллюстрировано в классическом труде знаменитого английского этнолога Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь» [1, с. 49—50]. Славяне также считали, что след, оставленный человеком, может являться объектом магических действий (порчи, целительства, любовной ворожбы), поскольку он «представляется неотделимым от самого субъекта, его символическим заместителем, аналогично тени и отражению в воде» [2, с. 39].

Основная часть. «Следовая магия» у восточных славян проявляется в нескольких сферах.

Вредоносная деятельность, которая в редких случаях ограничивается лишь желанием субъекта ритуального действия досадить, доставить неприятность человеку. Сравн. русский диалектный фразеологизм *подбирать следы* ‘вредить (идя вслед за рыбаком)’, который иллюстрируется соответствующей информацией: «В понедельник всякий ловец старается не выходить на лов первым, поскольку последующие следы подбирают, отчего не бывает удачного лова» [3, с. 338].

Чаще же всего магическое воздействие на след ставит целью причинение ущерба здоровью человеку. Сравн. замечание Дж. Дж. Фрэзера: «По всему миру распространено поверье, согласно которому, повредив следы, вы наносите вред оставившим их ногам. <...> Туземцы в Юго-Восточной Австралии верят, что они могут, положив на отпечатки ног острые куски кварца, стекла, кости или древесного угля, сделать человека хромым. <...> У мекленбуржцев считается, что, если вы вгоните гвоздь (иногда требуется, чтобы этот гвоздь был выдернут из гроба) в оставленный человеком след, тот охромееет» [1, с. 49]. В русской этнокультурной традиции «чары на след» заключаются в измерении следа человека каким-либо предметом (веревочкой, лучиной) с последующим его сжиганием или замуравливанием (замазыванием) в печи, из-за чего у заклинаемого «пропадают ноги», то есть появляется болезнь ног [4, с. 408]. У белорусов «вынимание следа» осуществлялось путем собирания земли из следа, зашивания ее в мешочке и высушивания. «Логика» этого магического действия заключалась в следующем: «Так должен иссохнуть человек, чей след был вынут» [5, с. 169]. Сравн. также рус. *вынимать след* ‘магическое действие, которое, по суеверным представлениям, должно нанести ущерб здоровью того лица, против которого это действие направлено’ [6, с. 522]. Императивная конструкция *На леший след иди!*, употребляющаяся для выражения пренебрежения к кому-либо, желания избавиться от кого-либо [7, с. 33], связана с представлениями о том, что человек, наступивший на след лешего или перешедший его след, собьется с пути [8, с. 198]. Сходное поверье известно сербам: «Лесник — дух, живущий в лесу, способный к оборотничеству. Если человек попадет на след этого духа, то заболееет» [9, с. 108].

Наиболее радикальная «порча на след» преследовала цель умерщвления жертвы. Судя по тому, что подобные злокозненные действия рассматривались в российских судебно-следственных делах XVII века, можно говорить об устойчивости и распространенности такого приема колдовства. Сравн.: «Дворцовая мастерица Да-

рья Ламанова женой своей рубашки пепел сыпала на след государыни царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны [10, с. 103]. Обряд заклęcia с помощью мака, проводившийся для физического устранения соперника (соперницы), также предполагал воздействие на след: «Мак надо было смешать с песком следа левой ноги и бросить в полночь во двор закливаемого, произнеся: *Пусть разобьется на мелкий мак тот, кто нас разлучил!*» [11, с. 304]. В книге польского этнографа и фольклориста Чеслава Петкевича «Народная культура Речицкого Полесья» приводится подробное описание белорусского заклęcia с использованием земли со следа жертвы: «Нужно незаметно взять со следа проклинаемого немного земли и, рассеяв ее на наибольшем пространстве, произнести проклятие: *Штоб ты сваімі паганымі лапамі больш не таптаў святое земелькі, да штоб ена тебе ніколі не прыняла ў сваё мацерынскае лано, да развей тебе вецер на ўсяму свету, і згінь-прападзі твой нечысты след на век векоў!*» [12, с. 219].

В любовной магии, представляющей собой совокупность «привораживающих» приемов, также нередко использовалось «чарование на след». Дж. Дж. Фрэйзер, в частности, писал: «У южных славян девушка берет землю из-под следов своего возлюбленного и наполняет ею цветочный горшок. Она сажает в него бархатцы — цветы, которые считаются неувядающими. Она верит, что, подобно тому как растут, цветут и не увядают эти золотистые цветы, будет неувядающей и любовь ее милого. Предполагается, что любовные чары подействуют на юношу через посредство земли, по которой он ступал» [1, с. 49].

В древнерусской былине «Добрыня и Маринка» злая колдунья Марина Игнатьевна, стремясь приворожить Добрыню, сжигает взятые из-под его ног следы и произносит заклęcie-приворот: *Сколь жарко дрова разгораются, / Со темя следами молодецкими, / Разгорелось бы сердце молодецкое / У молодца Добрыни Никитича* [13, с. 25]. Известная в Украине девичья «ворожба по следу» выглядит более романтично, хотя и она становится причиной душевного расстройства молодого человека: «Ворожба по следу довольно обычна в Малороссии, и в народных песнях она занимает видное место. Так, в одной песне юноша, полюбив девушку, подозревает, что она дала ему приворотного зелья. Девушка отвечает ему: *Ой я ж тобі, мой миленькій, зілья не давала, / Слідок брала, к сердцю клала, що вірно кохала*. В другой украинской песне девушка говорит парню, что она его действительно приворожила таким образом: *Я із-під тебе землю брала, / До серця клала, тебе чаровала*. Результаты чарования оказались такими, что парубок не может жить без очаровавшей его дивчины, и «вечера ему не мила, и робота не мила» [14, с. 584].

В сфере традиционной целительной практики восточным славянам известно магическое использование следа, оставленного на твердой поверхности христианскими святыми. Среди богородичных икон известна икона Почаевской Божьей Матери, в нижней части которой изображен камень с отпечатком человеческого следа. Согласно легенде, след на камне оставлен Богородицей, явившейся монахам в г. Почаеве Тернопольской области Украины. Вода, собирающаяся от дождей в этом углублении, используется верующими для исцеления больных глаз [15, с. 135].

В народной легенде, которую в начале XX века изложил этнограф С. В. Максимов, рассказывается о северорусском камне-следовике, на котором оставила след св. Параскева Пятница, убегавшая от домогательств дьявола: «Это — тот камень, на который уперлась ступою Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тут глубокий след стопы своей. Вода, скапливающаяся здесь, признается народом за слезы праведницы, плачущей о людских прегрешениях. Эта вода врачует от всяких болезней, преимущественно глазных» [16, с. 276]. На поверхности камня, находящегося в Вологодской области, неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря, видно углубление в виде отпечатка ноги. Считается, что этот след оставил основатель монастыря — святой Кирилл. Согласно местному поверью, «если разуться, встать босой ногой на след Кирилла и задумать желание, то оно обязательно сбудется» [17, с. 229]. На камне, находящемся у д. Старые Дороги в Минской области, сохранился отчетливый след человеческой ноги 37-го размера, который местные жители воспринимают как отпечаток ноги Божьей Матери, наделившей камень-следовик чудодейственной силой. «Считается, что если приложить ногу к отпечатку, болезни через некоторое время отступят» [18, с. 135].

В традиционной китайской культуре «следовая магия» проявляется специфично, хотя в определенной мере она «перекликается» с восточнославянскими представлениями.

Известное восточным славянам поверье об излечении вследствие прикосновения ногой к следу, оставленному на камне христианскими персонажами, может быть рассмотрено как типологическая параллель к архаичным верованиям китайцев о чудесном зачатии девушки / женщины после вступления ею в след мифического персонажа. Так, Сыма Цянь в своих «Исторических записках» приводил легенду о необычном рождении культурного героя Фу-си (Пао-си) (伏羲) — мифического первопредка китайцев — его мать Хуа-сюй: «Она ступила в след великана у озера Лэйцзэ, после чего родила Фу-си», который «имел тело змеи и голову человека» и «обладал совершенными добродетелями» [19, с. 345]. В книге «Мифы Древнего Китая» находим более детальное, почти художественное описание этого события: «Однажды Хуа-сюй отправилась на восток погулять к красивому, заросшему травой и деревьями огромному Озеру грома — Лэйцзэ и увидела на берегу след ног какого-то великана. Удивилась и шутки ради наступила на этот след. Ступила и тотчас почувствовала какое-то волнение, после чего она забеременела и родила мальчика, которого назвала Фуси» [20, с. 43]. Согласно древнекитайскому преданию, Цзян Ююань (姜嫄), мать культурного героя Хоу-цзи (后稷) — Государя-просо, который считается покровителем земледелия и наследником полумифического Желтого императора (黃帝), зачала сына, наступив на след великана [21, с. 701]. По мнению Б. Л. Рифтина, «след великана в первобытном мышлении ассоциировался со следами представителей верхнего небесного мира или его владыки» [22, с. 659].

По одной из легенд, великий китайский мудрец и педагог Конфуций был зачат после того, как его мать прошла по следам единорога — цилиня, появление которого «несло с собой умиротворенность и процветание, было знаком предстоящего рождения мудреца» [23, с. 702]. Эти представления, по мнению Н. А. Сомкиной, могут быть «связаны с фаллической символикой цилиня, свойственной единорогам и в западной культуре» [24, с. 80]. Китайский единорог цилинь занимает третье место в четверке «благовещих» животных и, подобно фениксу, представляет собой единение двух начал, пяти элементов, пяти доблестей и пяти символических цветов. Само слово *цилинь* (麒麟) отражает гармоничное единство начал «ян» и «инь», поскольку оно «истолковывается как соединение двух понятий: *ци* — единорог-самец и *линь* — единорог-самка» [23, с. 702].

Восприятие следа как символического аналога человека, характерное для восточнославянской вредоносной магии, выявляется и в китайском ритуале обнаружения вора по оставленному им следу: «В Китае, в Гуанси и Гуандуне, существует до сих пор следующий обычай: если вор, убегая из обворованного им дома, запечатлел следы своих ног, то пострадавшие зовут опытного бонзу, который забивает в место, на котором оставлен след, бамбуковый кол и, сосредоточившись, внушает беглецу неотразимое желание вернуться к месту преступления» [25, с. 65].

Описанное ритуально-магическое действие в своей основной «логической схеме» напоминают сходные представления европейцев, не имеющие, однако, отношения к «следовой магии»: «Жители Пруссии говорили, что, если вы не можете поймать вора, нет ничего лучшего, как взять одежду, которую тот потерял во время бегства: если вы ее изрядно поколотите, вор заболеет» [1, с. 48].

Заключение. Приведенный материал иллюстрирует сохранение в традиционном сознании восточных славян и китайцев устойчивых представлений о следе человека как магическом объекте. В восточнославянской традиции след в основном осмысливается как воплощение самого человека, как предмет, используемый для вредоносного воздействия на заклинаемого. Китайские поверья о магических свойствах следа соотносятся с верой восточных славян в целительные свойства камней-следовиков и выражаются в мотиве чудесного зачатия после наступления на след, оставленный мифическим персонажем.

Список цитируемых источников

1. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование религии и магии / Дж. Дж. Фрэзер; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 703 с.
2. Плотникова, А. А. След / А. А. Плотникова // Славянские древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 2004. — Т. 5. — С. 39—42.
3. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — СПб.: Наука, 1992. — Вып. 27: Печенки — Подельвать. — 400 с.
4. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. — М.: Автор, 1992. — 607 с.
5. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мировоззрения у белорусов: этнограф. очерк / А. Е. Богданович. — Гродно, 1895. — 187 с.
6. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. — М.: Наука, 1969. — 612 с.
7. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — СПб.: Наука, 1981. — Вып. 17: Леснокаменный — Мосоеничать. — 383 с.
8. Будовская, Е. Э. Блуждать / Е. Э. Будовская // Славянские древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — С. 197—199.
9. Левкиевская, Е. Е. Леший / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: этнолингвист. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 2004. — Т. 3. — С. 104—109.
10. Елеонская, Е. Н. Сказка, колдовство и заговор в России: сб. тр. / Е. Н. Елеонская; вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой; подготовка текста и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной. — М.: Индрик, 1994. — 272 с.
11. Судник, Т. М. Мак в растительном коде основного мифа / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Балто-славянские исследования, 1980. — М.: Наука, 1981. — С. 300—317.
12. Pietkiewicz, Czesław. Kultura ludowa Polesia Rzeszyckiego / Czesław Pietkiewicz. — Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1938. — 459 s.
13. Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. О связи некоторых представлений в языке. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. О Доле и сродных с нею существах / А. А. Потебня. — Изд. 2-е. — Харьков, 1914. — 243 с.
14. Сумцов, Н. Ф. Культурные переживания / Н. Ф. Сумцов // Киев. старина. — 1889. — Т. XXVII. — С. 582—603.
15. Платонов, Е. В. Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России / Е. В. Платонов // Этнограф. обозрение. — 2011. — № 3. — С. 130—144.
16. Нечистая, неведомая и крестная сила: сочинение С. В. Максимова. — СПб., 1903. — 529 с.
17. Непомнящий, Н. Н. Доисторическая Европа. «Следовики» и «чашечники» / Н. Н. Непомнящий // Доисторическая Европа / авторы-сост.: Н. Н. Непомнящий, Н. В. Кривцов. — М.: Вече, 2004. — 256 с.
18. Камяні-следавікі Беларусі / Л. У. Дучыц [і др.] // Гістар.-археалаг. зб. — Мінск, 1996. — № 9. — С. 133—141.
19. Сыма, Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Сыма Цянь; пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Вост. лит., 2001. — Т. 1. — 415 с.
20. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Юань Кэ; пер. с кит., послесловие Б. Л. Рифтина; худож. Л. П. Сычев. — М.: Наука, 1987. — 527 с.
21. Рифтин, Б. Л. Дзянь Юань / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006. — Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. — 2007. — С. 701.
22. Рифтин, Б. Л. Хоу-цзи / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006. — Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. — 2007. — С. 659—660.
23. Рифтин, Б. Л. Цилинь / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006. — Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. — 2007. — С. 702.
24. Сомкина, Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений / Н. А. Сомкина // Вестн. СПбГУ. Сер. 13. — 2009. — Вып. 2. — С. 77—86.
25. Ветухов, А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. В. Ветухов. — Варшава: Тип. Варшав. учеб. окр., 1907. — Вып. I—II. — 529 с.